

ЕЖЕГОДНИК

МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

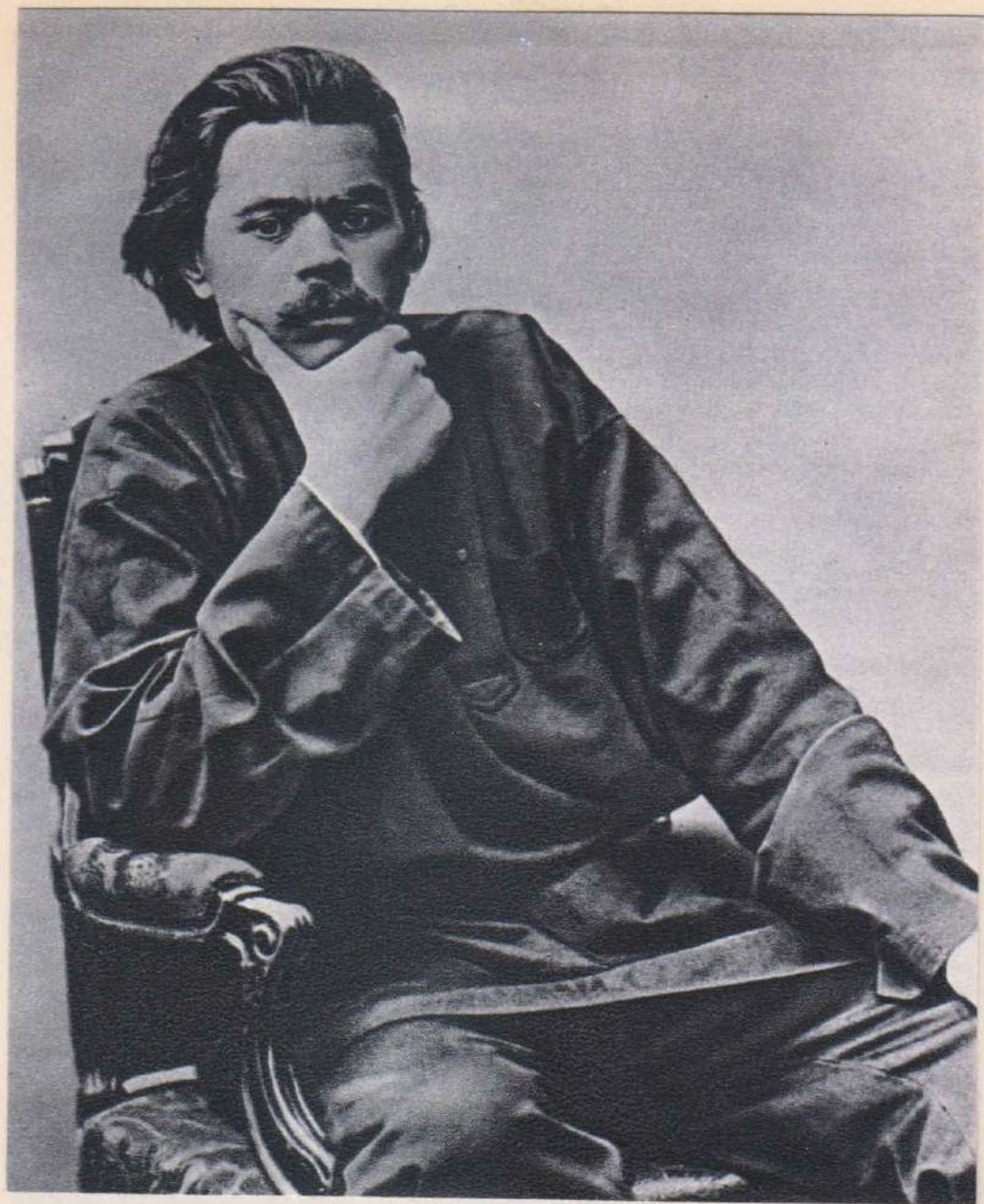
1943

ИЗДАНИЕ МУЗЕЯ МОСКОВСКОГО
ОРДЕНОВ ЛЕНИНА И ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО
ТЕАТРА С С С Р
ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО
М О С К В А
1 9 4 5

В. И. Качалов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Пьесы М. Горького в МХТ, встречи с М. Горьким,
моя работа над ролями

М. Горький
1902 г.

В. И. Качалов
1902 г.

Помню мою первую встречу с Алексеем Максимовичем так ясно и живо, как-будто это было два или три года тому назад. А между тем это было в мае 1900 года. Я шел по Бронной ул. утром на репетицию. Мы снимали тогда для репетиций так называемую «Романовку» — здание, в котором теперь находится Государственный еврейский театр. Меня обогнали две фигуры. Одна высокая, шагавшая крупными шагами, другая много ниже, но легко поспевавшая за первой. В дверях «Романовки» я столкнулся с ними. Их почему-то не впускали. Человек пониже обратился ко мне:

— Вы артист, повидимому? Я — Суллержицкий, а вот это — Горький. Писатель Горький. Мы приезжие из Ялты. Нас пригласили заходить в Художественный театр в любое время, а вот теперь что-то не впускают.

Я побежал сказать кому следует, что у входа стоит Горький и его не впускают. Минут через пять и Горький и Суллержицкий уже были окружены тесным кольцом нашей молодежи.

Мы репетировали «Снегурочку» ежедневно, с утра до позднего вечера, и оба наши гостя, Горький и «Сулер», с этого же утра стали проводить целые дни на репетициях.

В ту осень Горький дал нам пьесу «Мещане», но почему-то вскоре взял обратно, для переделки, и вернул только через год, осенью 1901 года¹. И в этот же год дал нам вторую пьесу — «На дне». Об этой пьесе, об ее сюжете шел разговор еще в Крыму во время поездки театра «в гости» к Чехову. В апреле 1900 года труппа Художественного театра выезжала в Севастополь и Ялту с двумя пьесами — «Чайка» и «Дядя Ваня», чтобы показать их Антону Павловичу, прикованному болезнью к постели. Только что принятый в Художественный театр, я в этой поездке не участвовал.

И вот слышу в мае 1900 года: «Горький... Горький». Мои новые товарищи вернулись в Москву, и с языка у них не сходило: «Горький сказал... Горький прочитал...» Даже: «Горький пропел...» «А какой у него чудный рассказ «Челкаш»!.. А «Мальва»!.. А как он здорово отделал этого... А в каких смешных и остроумных тонах он вел беседу с такими-то... А с какой нежностью он относится к Чехову...»

Чехова тогда уже в нашем театре знали, считали «своим» и лю-

били как родного. Но вот появился в нашей среде новый, «чужой дядя» — молодой, занятый, не похожий внешним видом на писателя, и с новыми, такими необычайными по темам, рассказами. Это была сенсация в жизни театра. Наша молодежь была покорена обаянием Горького, и в театре с восторгом произносилось: «Обещал написать для нас пьесу». Ожидали мы ее с величайшим нетерпением.

В марте 1902 года состоялась в Петербурге премьера «Мещан» во время гастрольной поездки театра. Театральная цензура встретила имя Горького хмуро, наложила на пьесу свою руку, исключила из нее ряд мест, в которых усмотрела недовольство существующим социальным порядком². Разыгравшийся к тому же эпизод поставил под угрозу самую постановку.

Дело в том, что незадолго до этого Горький был избран академиком, о чем уже было извещено в печати. Вдруг президент Академии, великий князь Константин Константинович (как стало потом известно — по личному указанию Николая II) вычеркнул имя Алексея Максимовича из списка членов Академии. Это взволновало публику, в особенности студенческую молодежь, и полиция стала опасаться, что во время представления «Мещан» в Художественном театре будет устроена демонстрация³.

Министр внутренних дел Сипягин⁴ запретил постановку «Мещан», и Вл. И. Немировичу-Данченко пришлось много бороться, чтобы добиться отмены этого запрещения.

На генеральную репетицию пьесы съехался «весь правительственный Петербург»: великие князья, министры, высшие чиновники, высшие военные и полицейские чины. В самом театре, вокруг него — усиленные наряды полиции.

Разрешение играть «Мещане» в Петербурге было дано только для абонементных — пяти или шести — спектаклей. И чтобы в театр не проникла публика не-абонементная, градоначальник поставил наряды околоточных и городских проверять билеты. По настоянию Вл. И. Немировича-Данченко, объяснявшегося по этому поводу с градоначальником Клейгельсом⁵, на следующих спектаклях на контроле уже стояли фигуры во фраках и белых нитяных перчатках. Это были переодетые вчерашние городские.

«Мещане» имели в Петербурге и в Москве большой и шумный успех — и художественный, и общественно-политический.

Теперь мы стали ждать с нетерпением вторую пьесу — «На дне». Новое содержание, звучавшее со страниц горьковских рассказов, новые герои — романтические босяки — казались нам такими привлекательными для сценического воплощения. А бунтарство и протест, с которыми молодой, но уже известный писатель подходил к основам тогдашней жизни, были сродни и бунтарству нашего молодого театра.

Наступил день, навсегда и в подробностях врезавшийся в память. Горький читает нам, всей труппе Художественного театра, «На дне»⁶. Читает прекрасно. Живыми встают, сразу запоминаются действующие лица. И хотя в чтении автора все герои говорят его слабым, глуховатым баском, все одинаково «окают», все потрясает перед носом сжатым кулаком, — все же получаются фигуры яркие, скульптурные и в то же время живые и не похожие друг на друга. Какая правдивость

МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ

Среда, 18-го Декабря.

Въ 1-й разъ.

НА ДНѢ,

одно изъ 4-хъ дѣйствій, соч. Максима Горькаго.

Участвующие: Г. С. Бурдакаловъ, Е. П. Муратовъ, М. О. Андреева, В. О. Грибукинъ, А. П. Харламовъ, А. Л. Захаровъ, М. Г. Салидная, О. Л. Книпперъ, М. А. Самарова, В. В. Лукинъ, К. С. Станиславскій, В. Н. Качаловъ, М. А. Громовъ, И. М. Москвитинъ, А. П. Адашевъ, Н. А. Барановъ, А. Л. Вишневскій и др.

Декорации художника **В. А. Симона.**

НАЧАЛО ВЪ 8 ЧАС. ВЕЧ., ОКОНЧ. ВЪ 12 ЧАС. НОЧЬ.
БИЛЕТЫ ВСѢ ПРОДАНЫ.

Четвергъ, 19-го Декабря, во 2-й разъ: **НА ДНѢ.**

(Билеты всѣ проданы).

Пятница, 20-го Декабря, въ 16-й разъ: **ВЛАСТЬ ТЫШЫ.**

Суббота, 21-го Декабря, въ 3-й разъ: **НА ДНѢ.**

Репертуаръ спектаклей съ 26-го Декабря 1902 г. по 6-е
Января 1903 г. выпущенъ отдѣльными афишами.

Касса (средній похъздъ) открыта отъ 10 час. утра до 10 час. вечера.

Для заказа билетовъ и афишъ, а также для сообщеній о спектакляхъ и о кассѣ, просимъ обращаться къ кассирѣ.

Афиша первого представления
пьесы М. Горькаго «На дне»
1902 г.

внутренних характеристик, какое разнообразие и богатство характерных для каждого лица интонаций!

Все искрометные «словечки», все богатые по юмору места пьесы покрываются взрывами дружного хохота. Сам Горький не улыбается, ничего не подчеркивает, «не подает», не «наигрывает». Наш хохот местами становится таким бурным и заразительным, что автор где-то уже не выдерживает, безнадежно машет рукой и улыбается сам: «А, ведь, правда, смешно». А когда он стал читать сцену, где Лука напутствует и утешает умирающую Анну, мы все притаили дыхание, — до того это было трогательно и глубоко «пережито». Наступила абсолютная тишина. Голос Горького задрожал и пресекся. Он остановился, замолчал, смахнул пальцем слезу, попробовал продолжать, но через два слова опять замолчал, сурово и даже сердито сгоняя платком слезу. Потом откинулся назад и застенчиво покачал головой: «А, ведь, здорово написано, ей-богу, хорошо». Раздался дружный, оглушительный треск аплодисментов. У многих появились слезы на глазах.

Новый мир открывался перед нами в этой великолепной пьесе. Страшный мир отбросов общества, искалеченных и загнанных в подвал, на самое дно жизни.

Театральная и полицейская цензура ставила не мало рогаток на пути постановки. Вл. И. Немирович-Данченко приходилось специально ездить в Петербург отстаивать целые сцены и даже отдельные фразы. В конце концов разрешение на представление пьесы в Художественном театре было дано. Но Владимир Иванович писал нам:

«У меня осталось впечатление, что пьеса разрешена лишь потому, что власти уверены в полном провале пьесы на спектакле».

Это ожидание царской цензуры не сбылось. Спектакль имел огромный успех, нашел восторженный ответный отклик в зрительном зале. Пьеса принималась, как пьеса-буревестник, которая предвещала грядущую бурю и к буре звала. Шумным овациям и вызовам, казалось, не будет конца — по адресу исполнителей, режиссеров — К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко и особенно автора. Он выходил на сцену немного сконфуженный, с папироской в зубах, и не кланялся публике, а только смущенно и в то же время лукаво-весело и вызывающе смотрел в зрительный зал. Когда, наконец, в последний раз окончательно закрылся занавес, мы все — участники спектакля — стали обнимать автора, благодарили за счастье разделять с ним такой огромный успех. Мы были по-настоящему счастливы. Мы уже были влюблены в свои роли.

Вспоминаю ясно, что лично я по самому началу работы над ролью не был особенно захвачен своей ролью «барона». Да и сам автор говорил после чтения пьесы, что барон ему не удался, хотя он его написал с живого человека, барона Бухгольца, спившегося босяка, попавшего в Нижегородскую ночлежку.

Алексей Максимович даже прислал мне его фотографию в группе с другими босяками и отдельный портрет. Кое-чем из этих снимков я воспользовался для грима. Понравился мне «паричок» и форма головы и цвет жидких, коротко остриженных, очень блондинистых волос. Пригодилось кое-что и в выражении глаз, наивных и недоуменных. Но все остальное — костюм, поза, положение рук, чисто выбранное лицо —

М. Горький
Барон

«На дне»
В. И. Качалов

было не типично и мало говорило моей фантазии. Очевидно, этот барон знал, что его будут снимать, и для этого специально побрился, надел чужой, не рваный костюм. На портрете он был в чистой на вид блузе, подпоясанной шнурком, и стоял скромно и просто, засунув за пояс (по-толстовски) кисти рук. Все это на снимке было уж очень не типично для спившегося босяка, хулигана и сутенера. И мало мне помогло в поисках нужного образа.

Помогли мне живые модели, те подлинные босяки, которых я встречал на московских улицах около «питейных заведений», церквей и кладбищ. Но больше всего помогли мне в моей работе живые модели из подлинных «аристократов», с которыми я специально ближе знакомился для моего «барона» и мысленно переодевал их в босяцкие отрепья. Например, грассирование (букву «р») я взял у графа Татищева (известного московского адвоката) и у камер-юнкера Нелидова (бывшего управляющего труппой Малого театра) ⁷. У первого еще взял манеру часто оправлять галстук, снимать и надевать перчатки. У второго, кроме грассирования, еще хриплый, гортанный и высокий тембр голоса и манеру публично «маникюрить» свои ногти, в задумчивости и на большом серьезе наводить на них глянец обшлагом пиджака. У князя Барятинского ⁸, мужа актрисы Яворской ⁹, я взял «гвардейскую походку и манеру ковырять мизинцем в ухе. Так, с миру по нитке, собирал я и лепил внешний образ. Ну, а внутренний образ, всю внутреннюю сущность барона, все его поведение — это все было дано в пьесе автором.

И в других ролях горьковского репертуара мне удавалось притти к нужной внутренней характеристике от внешних наблюдений над окружающими меня людьми, над живыми моделями. Помню, что такой моделью для молодого ученого Протасова («Дети солнца») был для меня молодой профессор Московского университета, талантливейший ученый — физик П. Н. Лебедев ¹⁰, пользовавшийся огромной любовью студенчества, обаятельный в кругу своей семьи и друзей, весь сосредоточенный на своей науке, глухой к шуму «улицы», к гулу надвигавшейся первой революции.

Но вообще смутно помню мою работу над этой ролью.

«Детям солнца» в театре «не повезло». Пьеса была сыграна всего несколько раз. Всеобщая забастовка 1905 года приостановила спектакли почти во всех театрах. Помню, что на премьере «Детей солнца» разыгрался трагикомический инцидент, в котором отразилось тогдашнее бурное время.

Первое представление пьесы состоялось 24 октября 1905 года. За несколько дней до спектакля был опубликован «высочайший манифест» о даровании конституции ¹¹. Вслед за манифестом по России прокатилась волна погромов: в Киеве, Твери, Одессе и других городах. Московская «черная сотня» в свою очередь деятельно готовила погром против интеллигенции. Почти ни одного дня не проходило без избиений и убийств. Атмосфера в городе была накалена до предела. Погромы ожидали с минуты на минуту. До начала премьеры по городу пронесся слух, что черносотенцы, считавшие Горького и нас врагами «царя и отечества», совершат во время спектакля нападение на Художественный театр.

М. Горький
Лука

«На дне»
И. М. Москвин

В течение всего спектакля публика была чрезвычайно напряжена, ожидая всяких возможных эксцессов. И вот, когда по ходу пьесы перед финалом на сцену через забор дома Протасова ворвались наши массовики — сотрудники театра в качестве провокаторов и зачинщиков «холерного бунта», и М. Н. Германова, игравшая мою жену Елену, выстрелила по направлению к толпе, а я, как мне полагалось по ходу действия, упал..., то тут произошло нечто совершенно неожиданное и невообразимое. Публика не разглядела, кто, в кого и зачем стреляет, приняла вбежавших актеров за черносотенцев, ворвавшихся в театр избивать нас, и решила, что я — первая жертва. Поднялся невероятный шум. Начались женские истерики. Часть зрителей бросилась к рампе, очевидно, готовая нас защищать. Другая — к выходным дверям, чтобы спастись бегством. Кто-то бросился к вешалкам, стал доставать оружие из карманов пальто. Кто-то кричал: «Занавес!»

Перед занавесом появился Вл. И. Немирович-Данченко, упрасивший публику дать возможность довести спектакль до конца, пытаясь успокоить зал тем, что финал пьесы будет благополучный. Когда открыли занавес, публика еще не успокоилась. Раздались крики: «Качалов, встаньте! Встаньте, Качалов!» Я вставал, показывал, что я жив, и затем снова ложился.

У самой рампы сотрудник «Русского слова» Сергей Яблоновский¹² истерично кричал: «Довольно ужасов! Довольно нечеловеческих страшных картин! Мы достаточно насмотрелись их в жизни!» К нему присоединилась часть публики, и занавес снова закрыли. Но другая часть публики протестовала. И когда, наконец, установили, что большинство желает окончания пьесы, занавес снова открыли, и спектакль был доведен до благополучного конца.

Алексея Максимовича в этот вечер в театре не было. Кажется, он уже уехал за границу.

Если продолжать вспоминать о моем участии в горьковских спектаклях, то скажу еще два слова о последней роли во «Врагах». Могу сказать, что «живые модели» мне особенно помогли в этой роли, как, пожалуй, ни в какой другой. Уж очень много ярких представителей этой неяркой, серой и, в сущности, безликой породы людей прошло передо мной. И так недавно. Ясно помню этих людей, слышу их голоса, их интонации — то самоуверенные, поучающие, торжествующие, то растерянные, злобные или панические. Эти живые модели, старые знакомцы мои, очень помогли мне дорисовать и несколько заострить эту роль, которую так великолепно написал автор. Я «заострил» роль в том смысле, что отнесся к этому образу с большей, чем автор, беспощадностью. Когда недавно, сыграв роль уже много раз, я стал перечитывать текст пьесы, то мне показалось, что автор много снисходительнее к Захару Бардину, чем я. Мне показалось, что автор дает его больше в плане добродушного юмора, а я — в плане сатиры.

* * *

Хорошо помню молодого Горького на первом представлении «Вишневого сада» — чествовании А. П. Чехова. Как раз в этот день он был именинник. Помню, как Владимир Иванович свое приветствие

М. Горький
Настя

«На дне»
О. Л. Книппер-Чехова

начал словами: «Сегодня ты именинник, по народной поговорке «Антон дня прибавил». С твоим приходом в наш театр у нас сразу «дня прибавилось», прибавилось света и тепла...» Помню, как чествовали Антона Павловича после третьего действия в антракте. Очень скучные были речи, которые почти все начинались: «Дорогой, многоуважаемый...» или «Дорогой и глубокоуважаемый...» И когда первый оратор начал, обращаясь к Чехову, «Дорогой, многоуважаемый...», то Антон Павлович тихонько нам, стоящим поблизости, шепнул: «шкаф». Мы еле удержались, чтобы не фыркнуть. Ведь мы только что в первом акте слышали на сцене обращение Гаева-Станиславского к шкафу, начинавшееся словами: «Дорогой, многоуважаемый шкаф».

Помню, как страшно был утомлен А. П. этим чествованием. Мертвенно бледный, изредка покашливая в платок, он простоял на ногах, терпеливо и даже с улыбкой выслушивая приветственные речи. Когда публика начинала кричать: «Просим Антона Павловича сесть... Сядьте, Антон Павлович!..» — он делал публике успокаивающие жесты рукой и продолжал стоять. Когда опустился, наконец, занавес и я ушел в свою уборную, то сейчас же услышал в коридоре шаги нескольких человек и громкий голос А. Л. Вишневского, кричавшего: «Ведите сюда Антона Павловича, в качаловскую уборную! Пусть полежит у него на диване». И в уборную вошел Чехов, поддерживаемый с обеих сторон Горьким и Миролубовым. Сзади шел Л. Андреев и, помнится, Бунин.

— Чорт бы драл эту публику, этих чествователей! Чуть не на смерть зачествовали человека! Возмутительно! Надо же меру знать! Таким вниманием можно совсем убить человека, — волновался и возмущался Алексей Максимович. — Ложитесь скорей, протяните ноги.

— Ложиться мне незачем и ноги протягивать еще не собираюсь, — отшучивался Антон Павлович. — А вот посижу с удовольствием.

— Нет, именно ложитесь и ноги как-нибудь повыше поднимите, — приказывал и командовал Алексей Максимович. — Полежите тут в тишине, помолчите с Качаловым. Он курить не будет. А вы, курильщик, — он обратился к Леониду Андрееву, — марш отсюда! И вы тоже, — обращаясь к Вишневскому, — уходите! От вас всегда много шума. Вы тишине мало способствуете. И вы, сударь, — обращаясь к Миролубову, — тоже уходите, вы тоже голосистый и басистый. И кстати я должен с вами объясниться принципиально.

Мы остались вдвоем с Антоном Павловичем.

— А я и в самом деле прилягу с вашего разрешения, — сказал Антон Павлович.

Через минуту мы слышали в коридоре громкий голос Алексея Максимовича. Он кричал и отчитывал редактора «Журнала для всех» Миролубова за то, что тот пропустил какую-то «богоискательскую» статью.

— Вам в попы надо, в иеромонахи надо итти, а не в редакторы марксистского журнала.

И помню, как Антон Павлович, улыбаясь, говорил:

— Уж очень все близко к сердцу принимает Горький. Напрасно он так волнуется и по поводу моего здоровья, и по поводу богоиска-

М. Горький
Бубнов

«На дне»
В. В. Лужский

тельства в журнале. Миролубов же хороший человек. Как попovich, любит церковное пение, колокола...

А потом, покашлявши, прибавил:

— Ну, конечно, у него еще слабости есть... Любит на кондукторов покричать, на официантов, на городских иногда... Так, ведь, у каждого свои слабости. Во всяком случае, за это на него кричать не стоит. А впрочем, — еще помолчавши прибавил Антон Павлович, — пожалуй, следует покричать на Миролубова. Не за его богоискательство, конечно, а вот за то, что сам кричит на людей.

Послышались торопливые шаги Горького. Он остановился в дверях, с папиросой, несколько раз затянулся, бросил папиросу, помахал рукой, чтобы разогнать дым, и быстро вошел в уборную.

— Ну, что, отошли? — обратился он к Чехову.

— Беспокойный, неугомонный вы человек, — улыбаясь, говорил Чехов, поднимаясь с дивана. — Я в полном владении собой. Пойдем, посмотрим, как «мои» будут расставаться с «Вишневым садом», послушаем как начнут рубить деревья.

И они отправились смотреть последний акт «Вишневого сада».

* * *

Вспоминается лето того же 1904 года. Похороны Чехова. Громадная толпа через всю Москву движется с вокзала к Новодевичьему кладбищу. Остановка у Художественного театра. Мгновенная тишина. Слышны отдельные всхлипывания в толпе. Среди наступившей тишины звуки шопеновской мелодии, которую играют у входа в театр наши оркестранты. И из раскрытых дверей бельэтажа наши театральные рабочие выносят огромный венок, их собственными руками собранный, сплошь из одних полевых цветов. И два лица запомнились мне в эту минуту: лицо Евгении Яковлевны, матери А. П. Чехова, и лицо Горького. Они оказались рядом около катафалка. В обоих лицах, как-то беспомощно по-детски зареванных, было одно общее выражение какой-то, мне показалось, физически-нестерпимой боли, какой-то невыносимой обиды.

На кладбище в Новодевичьем, когда уже засыпали могилу и народ стал расходиться, я с В. В. Лужским и еще с кем-то из наших подошли к Алексею Максимовичу, одиноко сидевшему на ограде чьей-то могилы.

— Наплакался, Алексей Максимович? — спросил кто-то из окружающих, кажется, Бунин.

— Да, ведь, от злости плачу. Даже не ожидал от себя, что могу от злости плакать. Уж очень всё злит кругом! Все возмущает, все, начиная с вагона для устриц и кончая этой толпой и этими разговорами, от которых никуда не убежишь.

* * *

Встреч с Алексеем Максимовичем вне театра было у меня немного. Помню встречу с ним в 1906 году, в Берлине. В январе 1906 года Художественный театр поехал на гастроли по Европе. Начал свои спектакли с Берлина («Царь Федор», «На дне», «Дядя Ваня»). Объехал с этими пьесами крупнейшие города Германии.

М. Горький
Татарин

«На дне»
А. Л. Вишневский

Играли в Вене, в Праге и на обратном пути в Варшаве. В Берлине играли целый месяц.

Одновременно с театром в Берлине был и Горький. Имя Горького было тогда особенно популярно в Европе и в Америке. В Берлинском театре играли его пьесы на немецком языке — «На дне» и «Дети солнца». В витринах книжных магазинов выставлены были его книги на немецком и на русском языках, его большие портреты, бесчисленное количество открыток. «На дне» было поставлено Максом Рейнгардтом, тогда еще совсем молодым, начинающим режиссером. Помню, с письмом от М. Ф. Андреевой ко мне обратился Макс Рейнгардт с предложением выступить на литературном вечере, посвященном творчеству Горького. Вечер устраивался в каком-то большом зале Шарлстенбурга, который тогда был еще окраиной Берлина, со своей демократической публикой, учащимися и рабочей интеллигенцией. Помню, что театр был переполнен. Помню программу этого вечера. Алексей Максимович читал «Песню о соколе», Рейнгардт на немецком языке монолог Луки из «На дне». Очень популярный тогда в Германии актер Шильдкраут, тоже по-немецки, читал горьковскую «Весеннюю мелодию», а я читал «Буревестника» и «Ярмарку в Голтве». Помню, как горячо и шумно публика приветствовала Горького, встала при его появлении. Треск аплодисментов, крики «Хох!» В театре было много русских эмигрантов. Конечно, огромное большинство немецкой публики русского языка не знало и не могло оценить ни текста, ни чтения Алексея Максимовича. Вся эта публика наполнила театр только для того, чтобы увидеть живого Горького и выразить свою любовь к Горькому-художнику и политическому борцу.

Хорошо помню, как на сцене ко мне подошел совсем молодой тогда Карл Либкнехт¹³ и шепнул мне по-немецки:

— Хотите посмотреть уголок зоологического сада, зверей в клетке, здесь же в театре?

И он показал мне место сбоку в кулисах, откуда видны были сидящие в крайней литерной ложе, выходящей на сцену, сыновья кайзера Вильгельма во главе с кронпринцем. Он, прикрываясь занавеской от публики, внимательно, со злобно и глупо разинутым ртом, уставился на Горького, читавшего «Песню о соколе». Рядом сидели офицеры его свиты и, поблескивая моноклями, тоже таращили глаза на Горького.

Помню, что в антракте за кулисами был разговор, что накануне на спектакле Художественного театра «Царь Федор» появился кайзер Вильгельм в парадной форме русского кавалерийского полка. Он был шефом какого-то нашего драгунского полка... Конечно, и там публика стоя приветствовала его криками «Хох!» И помню, что по поводу немецких социал-демократов Горький смеясь говорил, что они все рады кричать «Хох!» кайзеру и что, пожалуй, Каутский¹⁴ кричит громче всех.

* * *

Вспоминается встреча с Горьким в советской Москве, после Октября, весной 1918 года. В Колонном зале Дома Союзов большой вечер. Устраивали его кооператоры — организация, к которой с большой симпатией относился Алексей Максимович. Недели за две до

М. Горький
Василиса

«На дне»
Е. П. Муратова

вечера он просил меня принять участие в концерте и поаттитировать среди товарищей, чтобы еще привлечь исполнителей, особенно Москвина и Грибунина.

— Уж очень они смешно «Хирургию» играют! Будет хорошая публика... Ленин будет в публике. А потом нам всем будет хорошее угощение. Кооператоры сумеют угостить. Банкет будет.

Помню, концерт шел с огромным успехом. В артистической комнате Горький, беседуя с Лениным, веселый, оживленный, обращаясь к участникам концерта, говорил:

— Ну, вот, скажите, разве не чувствуете, какая уже огромная разница в публике? Ведь совсем же другое дело! Ведь приятно выступать перед этой новой публикой?

А когда концерт кончался, Горький сказал мне:

— А вы знаете, нашим кооператорам все-таки не повезло. По крайней мере сегодня, по-моему, никакого угощения не будет. У них там со светом что-то не вышло.

Оказалось, что в помещении Петровских линий, где должен был состояться банкет, на котором должны были присутствовать Ленин, Горький и участники концерта, погасло электричество. В Москве тогда было большое затруднение с электричеством, и свет удалось сохранить только для Колонного зала. Даже, говорят, в Кремле в этот вечер не было света.

Сконфуженные кооператоры посылали в свечную лавку у Иверских ворот, где был склад церковных свечей. Но необходимого количества свечей и там не оказалось. Банкет нам было обещано устроить через несколько дней.

Алексей Максимович, уходя с концерта, шутил:

— Слабо пока у нас и с электрификацией и с кооперацией. Но не будем терять надежд. Меня зовет Ильич поехать к нему, говорит, что у него есть какая-то необыкновенная, толстенная свеча, вот такая, — он показал обеими руками толщину. — Так что мы посидим с ним при этой свече. Помечтаем с ним об электрификации.

* * *

Запомнились посещения Горьким наших спектаклей: «Бронепоезда» в 1929 и «Воскресения» в 1933 году. Оба раза Алексей Максимович был в очень хорошем настроении, крепком и бодром. Очень довольный этими спектаклями, весело взволнованный, он говорил, обращаясь, главным образом, к «старикам»:

— Вы положительно овладели секретом вечной молодости. Это потому, — говорил он, — что вы умеете растить молодежь. У вас выросла такая сильная молодежь, которая омолаживает весь театр. И, очевидно, не дает успокаиваться и стареть вам, «старикам». Оттого ваше искусство такое живое и молодое. У вас в театре ум с сердцем в ладу¹⁶. — И, помолчав, прибавил: — Могущественный театр. Да, да, вы все можете, всемогущий театр.

Эти слова Алексея Максимовича передаю в точности, не по памяти, а по записи в моем дневнике.

М. Горький
Костылев

«На дне»
Г. С. Бурджалов

М. Горький
Медведев

«На дне»
В. Ф. Грибунин

М. Горький
Актер

«На дне»
Н. Г. Александров

В. И. Качалов

Из воспоминаний

1. «Мещане» были закончены и отданы театру в сентябре 1901 года.
2. Во время постановки «Мещан» Горький был под надзором полиции. 17 апреля 1901 года он был арестован, но 17 мая выпущен и отдан под надзор полиции с запрещением выезда из Нижнего-Новгорода. Из Нижнего он был также выслан и поселился в Арзамасе Нижегородской губернии.
3. По уставу Академии, избрание в почетные академики не подлежало ничьему утверждению. Сообщение об избрании Горького, вместе со справкой департамента полиции о политической неблагонадежности Горького, было представлено Николаю II. Царь наложил такую резолюцию: «Более чем оригинально» — и послал письмо министру народного просвещения, в котором выражал возмущение этим избранием. Заканчивалось письмо словами: «Я глубоко возмущен всем этим и поручаю вам объяснить, что по моему повелению выбор Горького отменяется. Надеюсь хоть немного отрезвить этим состояние умов в Академии». Как известно, в виде протеста против этого факта от звания академиков отказались А. П. Чехов и В. Г. Короленко.
4. Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853—1902) — министр внутренних дел. Крайний реакционер. Убит революционером Балмашевым.
5. Клейгельс Николай Васильевич (1850—1911) — в то время петербургский градоначальник, с особой жестокостью подавлявший малейшие попытки революционных выступлений.
6. Чтение М. Горьким «На дне» происходило 6 сентября 1902 года. О. Л. Книппер в письме к Чехову от 6 сентября пишет: «Сегодня Горький читал сам пьесу. Волновался страшно и несколько раз плакал». С этого же дня началась в театре работа над пьесой.
7. Нелидов Владимир Александрович (1869—1928) — принимал участие в управлении моск. импер. театрами. Писал критические статьи в «Русском слове» под псевдонимом «Архелай», впоследствии эмигрант.
8. Барятинский Владимир Владимирович (род. 1874) — писатель-драматург. Некоторые его пьесы пользовались успехом. Издавал в 1897 году в Петербурге радикальную газету «Северный курьер», закрытую по распоряжению комитета министров.
9. Яворская Лидия Борисовна (1871—1922) — известная артистка. Одно время играла в театрах Суворина и Корша. Имела свой театр в Петербурге, так называемый «Новый театр».
10. Лебедев Петр Николаевич (1866—1912) — автор многих научных работ. Создал первую в России школу физики. В настоящее время многие его ученики — профессора высших учебных заведений.
11. Манифест выпущен 17 октября 1905 г.
12. Яблоновский (Потресов) Сергей Васильевич — театральный критик, долгое время писавший в «Русском слове».

13. Либкнехт Карл (1871—1919) — один из вождей германского пролетариата и основателей германской коммунистической партии. Пропагандист пролетарской революции. Во время империалистической войны 1914 года призывал к войне гражданской. Убит агентами меньшевистского правительства Германии в Берлине, в январе 1919 года, во время, спровоцированных этими агентами, уличных боев.

14. Каутский Карл (род. 1854) — один из правых вождей германской с.-д. партии, теоретик 2-го Интернационала. Злостный враг СССР.

15. «Ум с сердцем в ладу» — перифраз слов Чацкого «Но если так — ум с сердцем не в ладу» («Горе от ума», д. 1, явл. VII).